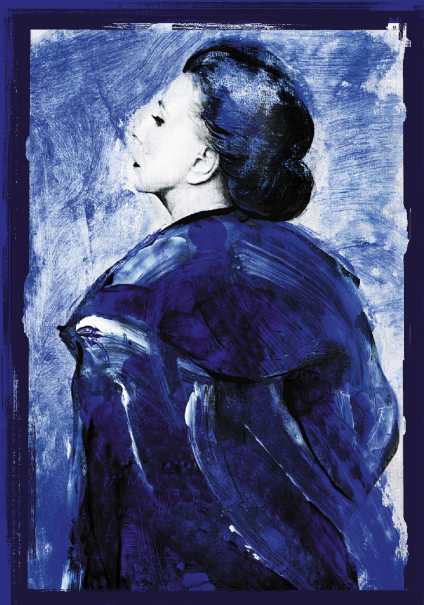

АЛЛА ДЕМИДОВА

АХМАТОВСКИЕ
ЗЕРКАЛА

Алла Сергеевна Демидова

Ахматовские зеркала

Серия «Алла Демидова. Избранное»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49792846

Ахматовские зеркала : комментарий актрисы / Алла Демидова: АСТ;

Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119 533-5

Аннотация

Выдающаяся актриса Алла Демидова, не раз исполнявшая произведения Анны Ахматовой со сцены, однажды решила исследовать тайнопись одного из самых загадочных произведений русской литературы – «Поэмы без героя». В ней зашифрованы имена и события, не зная о которых, читатель вряд ли сумеет проникнуть в глубину текста и понять его истинный смысл.

Какие люди скрываются за вымышленными именами персонажей, каковы их отношения, как связаны описываемые события с подлинными историческими явлениями – на эти вопросы А. Демидова дает свой ответ. Актриса признается, что «просеяла через себя» письма, стихи, дневниковые записи, мемуарную прозу поэта, воспоминания его современников. И эта работа, давшая богатый материал для размышления, вылилась в книгу «Ахматовские зеркала».

Содержание

Анна Ахматова	4
Вместо предисловия	5
Посвящение	7
Второе посвящение	9
Третье и последнее	11
Вступление	13
Часть первая	14
Глава первая	14
Глава вторая	24
Глава третья	29
Глава четвертая и последняя	31
Послесловие	34
Часть вторая	35
Часть третья	47
Алла Демидова	53
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алла Демидова

Ахматовские зеркала

Алла Сергеевна Демидова

Ахматовские зеркала

Из разговора средневекового философа с сыном:

– Папа, а в человеке есть Бог?

– Есть.

– А в животных есть Бог?

– Есть.

– А в цветах есть Бог?

– Есть.

*– А в цветах, которые отражаются в зеркале,
есть Бог?*

...И я не знал, что ему ответить.

Анна Ахматова

Поэма без героя

Deus conservat omnia

Бог сохраняет всё

(Девиз в гербе Фонтанного Дома)

Вместо предисловия

Иных уж нет, а те далече...
Пушкин

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) – «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей – моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943

Ташкент

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девярых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ – писахъ».

Ноябрь 1944

Ленинград

Посвящение

27 декабря 1940 года

Вс. К.

.....

а так как мне бумаги не хватило,

Я на твоём пишу черновике.

И вот чужое слово проступает

И, как тогда снежинка на руке,

Доверчиво и без упрёка тает.

И тёмные ресницы Антиноя...^{1 2}

Вдруг поднялись – и там зелёный дым,

И ветерком повеяло родным...

Не море ли?

Нет, это только хвоя

Могильная, и в накипа́нье пен

Всё ближе, ближе...

Marche funèbre...³

Шопен...

¹ Антиной – античный красавец.

² Сноски, обозначенные цифрами, отсылают к «Примечаниям редактора» в конце поэмы. – *Ред.*

³ Траурный марш (*фр.*). – *Ред.*

Ночь.

Фонтанный Дом

Второе посвящение

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея⁴,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю —

она одна надо мною.

Ту, что люди зовут весной,
Одиночеством я зову.
Сплю —

мне снится молодость наша,
Та, *его* миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,

⁴ «Ты ли, Путаница-Психея...» – героиня одноименной пьесы Юрия Беляева.

Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945

Фонтанный Дом

Третье и последнее (Le jour des rois)⁵

Раз в Крещенский вечерок...
Жуковский

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.
Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,
Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
Клен в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полет...
Но не первую ветвь сирени,
Не кольцо, не сладость молений —
Он погибель мне принесет.

⁵ Le jour des rois – канун Крещенья: 5 января.

5 января 1956

Вступление

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО.
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941

Осажденный Ленинград

Часть первая

Девятьсот тринадцатый год

Петербургская повесть

*Di rider finirai
Pria dell'aurora.
Don Giovanni*⁶

Глава первая

С Татьяной нам не ворожить...
Пушкин

*Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз.
1914*

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление – «Гость из Будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,

⁶ Смеяться перестанешь / Раньше, чем наступит заря. Дон Жуан (ит.). – Ред.

И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.

Но...

Господняя сила с нами!

В хрустале утонуло пламя,

«И вино, как отравя, жжет»⁷.

Это всплески жесткой беседы,

Когда все воскресают бреды,

А часы всё еще не быют...

Нету меры моей тревоге,

Я сама, как тень на пороге,

Стерегу последний уют.

И я слышу звонок протяжный,

И я чувствую холод влажный,

Каменею, стыну, горю...

И как будто припомнив что-то,

Повернувшись вполоборота,

Тихим голосом говорю:

«Вы ошиблись: Венеция дождей —

Это рядом... Но маски в прихожей,

И плащи, и жезлы, и венцы

Вам придется сегодня оставить.

Вас я вздумала нынче прославить,

Новогодние сорванцы!»

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,

Дапертутто⁸, Иоканааном⁹,

⁷ Отчего мои пальцы словно в кровиИ вино, как отравя, жжет?(«Новогодняя баллада», 1923) —Примеч. Ахматовой.

⁸ Дапертутто – псевдоним Всеволода Мейерхольда.

Самый скромный – северным Гланом
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.
А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завывли сирены
И, как купол, вспух потолок.
Я не то что боюсь огласки...
Что мне Гамлетовы подвязки,
Что мне вихрь Саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной Маски,
Я еще пожелезней тех...
И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?
Ясно всё:
Не ко мне, так к кому же?¹⁰
Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.
Хвост запрятал под фалды фрака...
Как он хром и изящен...
Однако
Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?
Маска это, череп, лицо ли —
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя мог передать.

⁹ Иоканаан – святой Иоанн Креститель.

¹⁰ Три «к» выражают замешательство автора. – *Примеч. Ахматовой.*

Общий баловень и насмешник,
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать...
Веселиться — так веселиться,
Только как же могло случиться,
Что одна я из них жива?
Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закононая синева.
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какою была когда-то,
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата¹¹
Снова встретиться не хочу...
Не последние ль близки сроки?..
Я забыла ваши уроки,
Краснобаи и лжепророки! —
Но меня не забыли вы.
Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы.

БЕЛЫЙ ЗАЛ

¹¹ Долина Иосафата — предполагаемое место Страшного суда.

*Звук шагов, тех, которых нету,
По сияющему паркету,
И сигары синий дымок.
И во всех зеркалах отразился
Человек, что не появился
И проникнуть в тот зал не мог.
Он не лучше других и не хуже,
Но не веет летейской стужей,
И в руке его теплота.
Гость из Будущего! – Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?*

С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «без лица и названья»
Затесалась...
Откроем собрание
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...
Постой,
Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках¹², —
Полосатой наряжен верстой,

¹² Лизиска – псевдоним императрицы Мессалины в римских притонах.

Размалеван пестро и грубо —

Ты...

ровесник Мамврийского дуба¹³,

Вековой собеседник луны.

Не обманут притворные стоны,

Ты железные пищешь законы,

Хаммураби, ликурги, солоны¹⁴

У тебя поучиться должны.

Существо это странного нрава,

Он не ждет, чтоб подагра и слава

Впопыхах усадили его

В юбилейные пышные кресла,

А несет по цветущему вереску,

По пустыням свое торжество.

И ни в чем не повинен: ни в этом,

Ни в другом и ни в третьем...

Поэтам

Вообще не пристали грехи.

Проплясать пред Ковчегом Завета¹⁵

Или сгинуть!..

Да что там!

Про это

Лучше их рассказали стихи.

Крик:

«Героя на авансцену!»

¹³ Мамврийский дуб – см. Книгу Бытия.

¹⁴ Хаммураби, Ликург, Солон – законодатели.

¹⁵ Ковчег Завета – см. Библию.

Не волнуйтесь: дылде на смену
Непреренно выйде сейчас
И споет о священной мести...
Что ж вы все убегаеде вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

*Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставляю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
Ты – Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После – лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» и в отдаленье
Чистый голос:
«Я к смерти готов».*

Факелы гаснут, потолок опускается. Белый (зеркальный) зал¹⁶ снова делается комнатой автора. Слова из мрака:

¹⁶ Зал – Белый зеркальный зал в Фонтанном доме (работы Кваренги) через площадку от квартиры автора.

Смерти нет – это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть – пусть расскажут мне.
Кто стучится?
Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...
Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?
Бледен лоб и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...
Вздор, вздор, вздор! – От такого вздора
Я седую сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?!
За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.

Через площадку

Интермедия

Где-то вокруг этого места («...но беспечна, пряна, бесстыдна маскарадная болтовня...») бродили еще такие

строки, но я не пустила их в основной текст...

«Уверяю, это не ново...

Вы дитя, синьор Казанова...»

«На Исакиевской ровно в шесть...»

«Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в “Собаку”...»¹⁷

«Вы отсюда куда?» —

«Бог весть!»

Санчо Пансы и Дон Кихоты

И, увы, содомские Лоты¹⁸

Смертоносный пробуют сок,

Афродиты возникли из пены,

Шевельнулись в стекле Елены,

И безумья близится срок.

И опять из Фонтанного грота¹⁹,

Где любовная стонет дремота,

Через призрачные ворота

И мохнатый и рыжий кто-то

Козлоногую приволок.

Всех наряднее и всех выше,

Хоть не видит она и не слышит —

Не клянет, не молит, не дышит,

Голова Madame de Lamballe²⁰,

¹⁷ «Собака» — «Бродячая собака», артистическое кабаре десятых годов.

¹⁸ Сodomские Лоты — см. Книгу Бытия.

¹⁹ Фонтанный грот — построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шереметевского дворца; был разрушен в начале десятых годов.

²⁰ Мадом де Ламбаль (*фр.*).

А смиренница и красотка,
Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince Carnaval?»²¹

*И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине
гётевского Брокена появляется Она же (а может быть –
ее тень).*

Как копытца, топочут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна, —
Словно с вазы чернофигурной,
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.
А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эта струйка крови
Берedit лепесток ланит?

²¹ Чего хочет от меня мой принц Карнавал? (фр.). – Ред.

Глава вторая

*Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?*

1913

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она – Козлоногая, посредине – Путаница, слева – портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим – Донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!

Не сердись на меня, Голубка,

Что коснулась я этого кубка:

Не тебя, а себя казню.

Все равно подходит расплата —

Видишь, там, за выюгой крупчатой,

Мейерхольдовы арапчата

Затевают опять возню?

А вокруг старый город Питер,

Что народу бока повытер

(Как народ тогда говорил), —

В гривах, в сбруях, в мучных обозах,

В размалеванных чайных розах
И под тучей вороньих крыл.
Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Мариинской сценой грима —
Ты – наш лебедь непостижимый, —
И острит опоздавший сноб.
Звук оркестра, как с того света
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?
И опять тот голос знакомый,
Будто эхо горного грома, —
Наша слава и торжество!
Он сердца наполняет дрожью
И несется по бездорожью
Над страной, вскормившей его.
Сучья в иссиня-белом снеге...
Коридор Петровских Коллегий²²
Бесконечен, гулок и прям.
(Что угодно может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто ныне проходит там).
До смешного близка развязка:
Из-за ширм Петрушкина маска²³²⁴,
Вкруг костров кучерская пляска,
Над дворцом черно-желтый стяг...

²² Коридор Петровских Коллегий – коридор Петербургского университета.

²³ Вариант: Чрез Неву за пятак на салазках. – *Примеч. Ахматовой.*

²⁴ Петрушкина маска – «Петрушка», балет Стравинского.

Все уже на местах, кто надо,
Пятым актом из Летнего сада
Веет... Призрак цусимского ада
Тут же. — Пьяный поет моряк.
Как парадно звенят полозья.
И волочится полость козья...
Мимо, тени! — Он там один.
На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице —
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Все таинственно в пришлеце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или все это было сном?
С мертвым сердцем и мертвым взором
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?
И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, —
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты — Невы.
Ты сбежала сюда с портрета,

И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе – без партнера!
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

*На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.*
Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты – один из моих двойников.
К прочим титулам надо и этот
Приписать. О подруга поэтов,
Я наследница славы твоей,
Здесь под музыку дивного мэтра,
Ленинградского дикого ветра
И в тени заповедного кедра
Вижу танец придворных костей...
Оплывают венчальные свечи,
Под фатой «поцелуйные плечи»,
Храм гремит: «Голубица, гряди!»²⁵

²⁵ «Голубица, гряди!» – церковное песнопение; пели, когда невеста ступала на

Всех влюбленных в тебя суеверней,
Тот, с улыбкой жертвы вечерней,
Ты ему как стали – магнит.
Побледнев, он глядит сквозь слезы,
Как тебе протянули розы
И как враг его знаменит.
Твоего я не видела мужа,
Я, к стеклу приникавшая стужа...
Вот он, бой крепостных часов...
Ты не бойся – дома́ не мечу, —
Выходи ко мне смело навстречу —
Гороскоп твой давно готов...

Глава третья

Ведь под аркой на Галерной...
А. Ахматова

*В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.*
О. Мандельштам

То был последний год...
М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве или против течения, —
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком styl.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью бил барабан...
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.

Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек, —
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

*А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять²⁸ мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.
Там, за островом, там, за Садам,
Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей?
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?*

Глава четвертая и последняя

*Любовь прошла — и стали ясны
И близки смертные черты.
Вс. К.*

²⁸ Музы. — Примеч. Ахматовой.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамины. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спаса на Крови. На Поле за метелью призрак дворцового бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце «палевый локон»,
У кого пред глазами тьма? —
«Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!»
Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом Поле,
И невидимых звон копыт...
И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога
И кто будет навек забыт.
Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь, —
И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!
Кто-то с ней «без лица и названья»...
Недвусмысленное расставанье

Сквозь косое пламя костра
Он увидел. – Рухнули зданья...
И в ответ обрывок рыдания:
«Ты – Голубка, солнце, сестра!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь **моей** вдовою,
А теперь...
Прощаться пора!»
На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит...
Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.
Гляди:
Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...
Он – на твой порог!
Поперек.
Да простит тебя Бог!

*(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик, он выбрал эту. —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)*
Это я – твоя старая совесть —
Разыскала сожженную повесть

И на край подоконника
В доме покойника
Положила —
и на цыпочках ушла...

Послесловие

ВСЁ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ, —
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЁКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК —
КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЁКОТ —
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?..

Часть вторая

Решка

*...Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.*
Пушкин

In my beginning is my end.
T.S. Eliot²⁹

Место действия – Фонтанный Дом. Время – 5 января 1941 г. В окне призрак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок – дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры. В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать.

*...жасминный куст,
Где Данте шел и воздух густ.*
Н.К.

²⁹ В моем начале мой конец. Т. С. Элиот (англ.).

I

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен.
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой, —
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое —
Главный был наряжен верстою,

А другой как демон одет, —
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,

IV

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто.
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон – это тоже вещьца,
Soft embalmer³⁰, Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

³⁰ Soft embalmer (англ.) – нежный утешитель. См. сонет Китса «To Sleep» («К сну»).

VI

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издалёка заслышав вой.
Всё надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой.
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

VIII

Карнавальной полночью римской

И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

IX

И со мною моя «Седьмая»,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухою землей набит.

X³¹

Враг пытал: «А ну, расскажи-ка»,
Но ни слова, ни стоны, ни крика
Не слышать ее врагу.
И проходят десятилетия,

³¹ Пропущенные строфы – подражание Пушкину. См. «Об Евгении Онегине»: «Смиренно сознаюсь также, что в “Дон Жуане” есть две пропущенные строфы», – писал Пушкин

Пытки, ссылки и казни – петь я
В этом ужасе не могу.

XI

И особенно, если снится
То, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду – город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном...
Скоро там о верном и вечном
Ветр азийский расскажет мне.

XII

Торжествами гражданской смерти
Я по горло сыта. Поверьте,
Видю их, что ни ночь, во сне.
Отлучить от стола и ложа —
Это вздор еще, но негоже
То терпеть, что досталось мне.

XIII

Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, «стопятниц», пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

XIV

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы увенчанные позором:
«По ту сторону ада мы...»

XV

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне

Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит – Судьба.

XVI

И была для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут³².

XVII

Бес попутал в укладке рыться...
Ну, а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?
Я – тишайшая, я – простая,
«Подорожник», «Белая стая»...
Оправдаться... но как, друзья?

³² Баута – маска с капюшоном.

XVIII

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу.
У шкатулки ж тройное дно.

XIX

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила,
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету, —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

XX

Чтоб посланец давнего века
Из заветного сна Эль Греко

Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

XXI

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
И он мне, отлетевшей тени,
Даст охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

XXII

А столетняя чаровница³³
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

³³ Романтическая поэма. – *Примеч. Ахматовой.*

XXIII

Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой³⁴
И гнала на родной чердак³⁵.

XXIV

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал, —
И все жаворонки всего мира³⁶
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг³⁷ держал.

³⁴ Звездная Палата – тайное судилище в Англии, которое помещалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо.

³⁵ Место, где, по представлению читателей, рождаются все поэтические представления. – *Примеч. Ахматовой.*

³⁶ См. знаменитое стихотворение Шелли «To a Skylark» («К жаворонку»).

³⁷ Георг – лорд Байрон.

XXV

Но она твердила упрямо:
«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль³⁸,
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

XXVI

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу.
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

*5 января 1941
Фонтанный Дом;
в Ташкенте и после*

³⁸ Клара Газуль – псевдоним Мериме.

Часть третья

Эпилог

Быть пусту месту сему...
Евдокия Лопухина

*Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.*
Анненский

Люблю тебя, Петра творенье!
Пушкин

Моему городу

Белая ночь 24 июня 1942 года. Город в развалинах. От Гавани до Смольного видно все как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей, —

Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью, тянет он.
А земля под ногой гудела,
И такая звезда³⁹ глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там – у Тобрука,
Это где-то здесь – за углом.
Ты, не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины —
Этой нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на темя —
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах.

³⁹ Марс летом 1941 г. – *Примеч. Ахматовой.*

А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей —
Я не знаю, который год —
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам девки безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего:

*За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.*

А не ставший моей могилой,
Ты, крамольный, опальный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,

Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле⁴⁰,
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвьем братских могил.
Все, что сказано в Первой части
О любви, измене и страсти,
Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город зашитый...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой – лишь твоих прелестниц,
Белых ноченок хоровод.

А веселое слово – дома —
Никому теперь не знакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький,
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась
И над полным врагами лесом,

⁴⁰ Волкове Поле – старое название Волкова кладбища.

Словно *та*, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась.

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «*Quo vadis?*»⁴¹ кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал...
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмищения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.
И себе же самой навстречу
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву, —
Ураганом – с Урала, с Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия спасти Москву⁴².

⁴¹ Куда идешь? (*лат.*).

⁴² Раньше поэма кончалась так: А за мною, тайной сверкая И назвавши

себя «Седьмая», На неслыханный мчалась пир... Притворившись нотной
тетрадкой, Знаменитая ленинградка Возвращалась в родной эфир. —Примеч.
Ахматовой.

Алла Демидова

Ахматовские зеркала

*Но кто обязан верить автору?
И отчего думать, что будущих читателей (если
они окажутся)
будут интересовать именно эти мелочи...
Анна Ахматова «Заметки к “Поэме без героя”»*

...а началось это с Дмитрия Покровского. Вместе с тремя мальчиками из его ансамбля мы в середине 70-х годов стали репетировать «Поэму без героя». Собирались днем, после основных репетиций на сцене Таганки.

Я всегда понимала, что «Поэму» должна сопровождать не просто музыка, а какие-то странные звуки. Допустим, строчка Ахматовой: «Это ветер со мной говорит». Митя Покровский находил, как передать такие звуки с помощью невиданных мною доселе инструментов. Звон колоколов, например, передавали семь перевернутых печных горшков – получался глухой, отдаленный, словно через эхо, звук. Были и какие-то старые, незнакомые мне народные инструменты. Я тогда впервые услышала варган, и странный режущий звук его мне очень понравился.

Мы долго репетировали и должны были выступать в Ленинградской филармонии. Алису Фрейндлих пригласили

читать Цветаеву в первом отделении, а меня – «Поэму без героя» Ахматовой во втором. Мы уже купили билеты в Ленинград, но... позвонила Раиса Моисеевна Беньяш и сказала, что кто-то заболел и ехать не надо. Я поняла, что «Поэму» не хотят слушать. Читать ее было преждевременно. Но она меня уже зацепила.

У меня свойство памяти: я присваиваю знания, совершенно не запоминая, как их получила. Не ссылаюсь, откуда цитаты, как это должно быть в серьезной литературоведческой работе. Просто я «просеяла» через себя очень много литературы о «Поэме», да и не только о ней – через меня прошло множество материалов об Ахматовой: мемуарная проза, письма, интервью, воспоминания современников и, конечно, ее стихи. Что-то из своих размышлений я заносила в тетрадь, что-то осталось на отдельных листочках. И в конце концов мне захотелось поделиться этими записками с читателями.

Но когда я стала расшифровывать «Поэму без героя», то чем больше я находила в ней двойников, которые, в свою очередь, раздваивались и так – до бесконечности (то же самое происходит, если подойти с зеркалом к стене зеркального зала и увидеть в нем бесконечную череду отражений), тем яснее я понимала, что буквально расшифровывать ее, наверное, не надо. Не так уж важны в «Поэме» конкретные лица, важен аромат времени, ведь в «Поэму», помимо всего прочего, вошел огромный пласт культуры целой эпохи, которая для многих нынешних молодых людей стала давно прошед-

шей историей.

Но, с другой стороны, этот пласт культуры создавали конкретные люди. И вот о них-то и хочется поговорить с читателем, напомнить некоторые забытые имена, стихи, кое-что из фактов биографии самой Ахматовой.

Вокруг «Поэмы» клубится очень много стихов Ахматовой и других поэтов, которые зашифрованы в ее тексте. Иногда я буду приводить эти стихи, но, повторяю, поскольку это не литературоведческая работа, многое останется за скобками.

Одну из «Северных элегий», например, я считаю почти эпиграфом к «Поэме». В элегии Ахматова пишет о свойствах памяти, что для «Поэмы» я считаю очень важным, поскольку в ней сталкиваются прошлое, настоящее и будущее. Здесь я хочу привести целиком эту ахматовскую элегию, чтобы она, как скрипичный ключ в нотной записи, нет-нет да и мелькнула бы в памяти читателей.

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая – как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола, —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то

В глухом предместье дом уединенный.
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди.
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век – и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо.
Меняются названья городов.
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам,
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает – мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,

Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас – и даже
Все к лучшему...

В конце 50-х годов в Московском университете, где я тогда училась, ходили машинописные листочки, которые мы передавали друг другу, – список «Поэмы» (эти пожелтевшие листочки и сейчас хранятся у меня на антресолях). Список был неполный. Точнее, как я теперь понимаю, без тех строк, которые Ахматова в дальнейшем дописывала.

В первом варианте, воспринимаемом как единое целое, было, как пишут, 370 строк. Впоследствии из-за вставок, исправлений, дополнений «Поэма» приобрела еще столько же строк, не считая тех, что не вошли в окончательный вариант. Ахматова говорила: «Поэма оказалась вместительнее, чем я думала вначале. Она незаметно приняла в себя события и чувства разных временных слоев. В течение 15 лет эта поэма неожиданно, как припадки какой-то неизлечимой болезни, вновь и вновь настигала меня. И я не могла от нее оторваться, дополняя и исправляя, по-видимому, оконченную вещь». Первая версия «Поэмы без героя» (1940–1942) называлась пространно: «1913-й год, или Поэма без героя и Решка».

Итак, как стало мне теперь известно, первая редакция «Поэмы» была 1940 года и называлась «ленинградской», затем внесенные дополнения составили редакцию 1942 года – «ташкентскую», затем – 1946 год и, наконец, 1962-й –

«окончательный» вариант, но и опять не последний, ходили списки редакции 1964 года. Последняя ахматовская запись о «просмотре» поэмы датирована 19 апреля 1965 года.

По свидетельству Ахматовой, сильнее всего поэма ее «терзала» в 1959 году: «...шли новые строки, что-то требовало замены <...>. Мне приходит в голову, что мне ее действительно кто-то продиктовал, причем приберег лучшие строфы под конец», – записывает она в «Прозе о Поэме».

Там же Ахматова пишет о зарождении темы «Поэмы»: «Определить, когда она начала звучать во мне, невозможно. То ли это случилось, когда я стояла с моим спутником на Невском (после генеральной репетиции “Маскарада” 25 февраля 1917 года), а конница лавой неслась по мостовой, то ли, когда я стояла уже без моего спутника на Литейном мосту в то время, когда его неожиданно развели среди бела дня (случай беспрецедентный), чтобы пропустить к Смольному миноносцы для поддержки большевиков (25 окт<яб-ря> 1917 г.). Как знать?!»

Эта ахматовская цитата – поздняя, она сделана после того, как «Поэма» была в основном уже написана. Может быть, Ахматова хотела внушить читателям, что никаких влияний извне «Поэма» за это долгое время – с 17-го года – не впускала? Не знаю, может, в тот год у Ахматовой действительно зародилась идея написания какой-то поэмы, ведь 1917 год – год перелома эпох, когда рушилось все старое, привычное и наступало неведомое (кстати, как и в 1940 году, когда были

написаны первые строчки «Поэмы»), но все же «Поэму без героя» Ахматова стала писать только после 40-го года, после ряда событий, речь о которых – впереди. Хотя все три временных пласта – прошлое, настоящее и будущее – в «Поэме» зашифрованы.

Но, может быть, мейерхольдовский «Маскарад» в Александринке и сыграл свою роль спустя много лет, аукнувшись в «Поэме без героя» не только карнавальными масками, за которыми скрываются реальные люди. Ведь и сама лермонтовская пьеса была достаточно мистична: здесь и игорный дом, и смерть, и Неизвестный с его мезью. Может быть, Ахматовой вспомнилась декорация Головина, где на просцениуме стояли матовые зеркала, в которых отражался зал. Персонажи, маски, лица зрителей – всё соединялось в одно действо. А ведь среди зрителей на генеральной репетиции были не только Ахматова с Анрепом, но и Блок, и Судейкина, и Кузмин, и множество других известных людей того времени.

Среди героев спектакля был Пьеро в традиционном костюме. Именно он срывал браслет у Нины. А на Неизвестном был черный плащ, отделанный серебром, и белая маска с птичьим клювом – излюбленный костюм венецианского карнавала. И эта баута, и Пьеро, и зеркала, символизм Мейерхольда, мистика Лермонтова, февральская революция 1917 года, наложение одного времени на другое – всё это войдет потом в необъятный текст «Поэмы без героя».

Как-то меня поразила одна фотография: снимали березовую почку, а когда проявили пленку, то на фото был уже лист. Снято это было по методу Семена Давидовича Кирлиана, изобретателя газоразрядной фотографии. То есть можно сказать, что лист уже был заложен в почке, а может быть, и раньше.

Репетируя «Федру», я познакомилась с одним экстрасенсом, способным видеть ауру и ее цвет. Он рассказал мне историю про своего друга, который тоже видел ауру (очень, по его выражению, мучительное свойство): он стоял на одном из этажей высотного дома и ждал лифт. Рядом стоял какой-то человек, и экстрасенс видел его ауру. Лифт приехал, в нем были трое, но без ауры. В лифт вошел человек, стоявший рядом, – и у него тоже пропала аура. Экстрасенс хотел крикнуть: «Не надо ехать дальше!» – и не успел. Двери захлопнулись, он остался на площадке. Лифт упал.

Рассказ этот перекликается с фотографией по методу Кирлиана. Как в почке есть жизнь будущего листа, так и в этом состоянии перед концом «без ауры» – есть смерть. Прошлое, настоящее и будущее не существуют по отдельности. Пространство, как говорят ученые люди, замкнуто.

Пример из истории. Считается, что Иван Грозный стал Грозным тогда, когда это было уже не нужно, – он уже завоевал Казань, Астрахань и стал всесильным. Но у него случилась клиническая смерть, после которой он проснулся зверем, стал совершать необъяснимые дьявольские поступки.

Мог согнать тысячу людей на мост и сбросить в полыню. Для чего?! В этой «почке» уже скрывался будущий «лист» – видимо, России было предначертано шагнуть к Европе через Петра Первого. Но один Петр ничего бы не смог сделать, если бы генетически в людях не был заложен страх и ужас перед волевыми поступками царя. А поскольку в народе этот ужас был, Петр смог быстро перевернуть всю Россию – народ «привык» к катаклизмам и был послушен.

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы, —

пишет в «Поэме без героя» Ахматова.

Многие и до меня пытались расшифровывать «Поэму», искали реальные прообразы персонажей и ситуаций, в ней описанных. Сама Ахматова тоже – то в своих записных книжках, то в устной беседе с кем-нибудь пробовала разъяснить ее непонятные, «темные» места. Но, с другой стороны, Ахматова записывает: «...А есть еще и такие, что не хотят, чтобы им объясняли. Они сами все знают. Объясняя, автор их как бы обворовывает... Поэма – волшебное зеркало, в котором каждый видит то, что ему суждено видеть».

Признаюсь, меня к этим записям подвигла прекрасная работа Набокова «Комментарии к “Евгению Онегину”». Книжка эта – одно из любимых моих ночных чтений. Я не уверена, надо ли читателю, к примеру, знать, что начало пушкинского

«Онегина» – «Мой дядя самых честных правил...» – аукалось в свое время с известной басней Крылова «Осел был самых честных правил...». Можно и без этого наслаждаться «Евгением Онегиным», но знать это, по-моему, приятно.

Я отлично понимаю, что ни одно произведение искусства, тем более поэзию, нельзя «расшифровать», пересказать «своими словами», что любая попытка такого рода – все равно что впрягать вместе «коня и трепетную лань», и что орган, который воспринимает искусство, еще не обозначен в физиологии. И хоть материалом поэзии служат слова, тем не менее, эту невесомую словесную ткань нельзя словами же перевести в «мир мер».

«Евгений Онегин», «Поэма без героя», как и любое поэтическое произведение, созданы благодаря гениальному расположению слов и звуков, переплетению воспоминаний и реальности. Эту стихию движения времени, запечатленную в каком-то особом состоянии души, ведомом только автору, нельзя, наверное, подменять для читателя своим суррогатом впечатлений, чувств, ассоциаций, воспоминаний. И я бы никогда не решилась опубликовать эти заметки, если бы не была актрисой.

Набоков взялся за «Комментарии», когда стал переводить «Онегина» на английский язык. Он заметил множество курьезов в предшествующих переводах и, устраняя их, сделал ряд литературоведческих открытий. Так родились его «Комментарии».

Думаю, что «Поэму», как и «Онегина», невозможно перевести адекватно. Так же, как и в «Онегине», в ней зашифрованы темы, события, житейские положения, свод правил, то есть огромный пласт жизни и культуры, который воспринимается на дословесном, генетическом уровне.

Белинский назвал «Онегина» энциклопедией русской жизни. Про «Поэму», используя это сравнение, можно сказать, что это энциклопедия русской культуры XX века. Но, несмотря на объемность этих определений, для поэзии они узки. Мандельштам написал в «Разговоре о Данте»: «Втискивать поэтическую речь в “культуру” как в пересказ исторической формации несправедливо потому, что при этом игнорируется сырьевая природа поэзии».

Я нисколько не претендую на значительность набоковского труда – труда ученого и литератора, я рассматриваю «Поэму» как актриса, но может быть, от этого некоторые известные строчки раскроются для читателя по-новому, в них слышатся новые интонации – то есть произойдет все то, что бывает, когда актер предлагает свое толкование привычной классической роли (например, Гамлета, которого я играла в спектакле Теодора Терзопулоса «Гамлет-урок»).

Я разбираю «Поэму», как разбирала бы роль, выдуманную и воплощенную на бумаге тоже не мной. Но чтобы эту роль сыграть, я обязана ее «присвоить», выдумать ее для себя заново, разложить на отдельные куски-образы, на резкие столкновения противоречивых чувств и т. д. – то есть проде-

лать все то, что входит в мою актерскую профессию. Иначе — «слова, слова, слова».

В роли, когда я ее «схватываю» и делаю своей, я могу за автора пьесы написать или рассказать всю жизнь моего персонажа до и после событий, описанных в пьесе. Поэтому, кстати, мне легко было досочинить речь Спиридоновой на партийном съезде в фильме «Шестое июля» или последний монолог Милентьевны в спектакле «Деревянные кони» (что, кстати, вызвало полное одобрение автора — писателя Федора Абрамова).

Я не знаю, как Ахматова отнеслась бы к тому, что ее поэму, как роль, разлагают на куски, «подкладывая» под ее строчки свои субъективные впечатления. В «Записных книжках» Ахматова писала: «У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель».

Нет прямого пути ни от поэзии к жизни, ни от реального факта к поэзии. Слова как носители какого-то конкретного содержания — предположим, моей актерской мысли, и эти же слова, вернее их призранные двойники, в поэзии — это не одно и то же. Как не одно и то же в театре сценическая жизнь актера и его реальная жизнь, протекающая одновременно каким-то неосознанным потоком. Ведь театр — это тоже тайна.

Кричит наш дух, изнемогает плоть,

Рождая орган для шестого чувства...

Предположим, орган для шестого чувства у нас есть, так давайте учиться хотя бы косноязычно выражать словами то, что словами выразить невозможно. Извините меня за этот каламбур.

Анна Андреевна Ахматова

У Иосифа Бродского в поэме «Исаак и Авраам» есть замечательные строчки об этом «А.А.А.»:

По существу же, – это страшный крик,
Младенческий, прискорбный,
вой смертельный.

Когда мы с Евгением Колобовым в Новой Опере работали над «Поэмой без героя», а потом я читала ее со сцены в сопровождении его оркестра, за дирижерским пультом стоял сам Колобов. Он же подбирал отдельные музыкальные куски к «Поэме» и нашел звук, который музыкально повторял это «А.А.А.».

Евгений Владимирович, по-моему, один из самых тонких и замечательных людей, как никто вписывался в замысел этого странного вечера. И звук этот странный – «А.А.А.» – он нашел на виброфоне. С него и начинался наш вечер по

«Поэме без героя», и им же, остановив аплодисменты, Колобов вечер заканчивал. После этого ноющего тонкого звука в зале наступала тишина.

А если и дальше цитировать Бродского из «Исаака и Авраама», то можно вспомнить и другие строчки:

И если сдвоить, строить: ААА,
Сложить бы воедино эти звуки,
Которые должны делить слова...

К сожалению, только через слова мне придется объяснить свое понимание «Поэмы без героя». Разгадывать тайну «А.А.А.».

Поэма без героя

Заглавие возникло, может быть, под впечатлением байроновского «Дон Жуана», где с самого начала Байрон говорит: «Мне нужен герой» и сетует, что в его время героев для поэмы нет.

В то безвременье, когда Ахматовой писалась «Поэма», героев (не официально-советских) тоже не было.

Но, с другой стороны, можно сказать, что в названии «без героя» зашифрованы имена и персонажи, так или иначе связанные с автором в течение всей ее жизни. Во всяком случае, очень явно проступают силуэты Блока, Гумилева, Куз-

мина, Хлебникова, Маяковского, Мандельштама, Судейкиной, Князева, Недоброво, Анрепа. Недаром Ахматова потом напишет: «...там уже все были».

Можно также сказать, что герой в поэме – город: Петербург разных эпох, его атмосфера, война, разрушение. Городу, кстати, посвящена третья часть «Поэмы» – «Эпилог». О Петербурге-Ленинграде у Ахматовой есть много других стихов. Например:

И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал.

Современность в «Поэме» сталкивается с историей, Ленинград встречается с Петербургом. Как у Мандельштама в стихотворении, написанном в 1930 году:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухших желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир *ленинградских* речных фонарей.

.....

Петербург! Я еще не хочу умирать!

У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,

По которым найду мертвецов голоса...

...А можно наверняка сказать, что герой «Поэмы» – Время. Вернее, многослойность времени. Движение времени происходит не поступательно, иногда минуются целые временные пласты. Получается наложение одного времени на другое. Очень, кстати, похоже на актерское существование, когда играешь классику. Я помню, у Смоктуновского – Мышкина в «Идиоте» БДТ – было это самое наложение: с одной стороны, мы видели на сцене Смоктуновского, живущего в 60-х годах нашего века, а с другой – через него же проглядывало время Достоевского.

У Ахматовой в «Поэме» возникает тот же эффект, но с еще большей силой:

В воспоминаниях о Модильяни Ахматова пишет о том, что будущее «бросает свою тень задолго перед тем, как войти».

Известно, что некоторые йоги могут наблюдать за событиями, происходящими на огромных расстояниях и в любом времени: прошлом, настоящем и будущем. В Индии этих людей так и называют «трикала жна» – знающие три времени.

Видимо, Ахматова обладала в некоторой степени таким свойством. Например, когда день смерти Мандельштама был

еще неизвестен, она в первом Посвящении к «Поэме» поставила дату – 27 декабря. Надежда Яковлевна Мандельштам впоследствии написала, что Ахматова «знала» эту дату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.